УДК 94 (470) DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-3-37-47

МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ ИСТОЧНИКАМ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА?

Данилов Андрей Геннадьевич доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: agd7@mail.ru

Аннотация

В статье дается краткая характеристика изданных дневников, писем, мемуаров, авторы которых входили в монархический лагерь. Главная проблема, которую анализирует автор, насколько можно доверять источникам личного происхождения при реконструкции событий накануне Февральской революции 1917 г.

Ключевые слова: *Россия в начале XX в., Первая мировая война, император Николай II, императрица Александра Федоровна, Ставка Верховного главнокомандующего, верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, документы личного происхождения*

Актуальность сформулированной в заголовке статьи проблемы определяется следующими факторами.

Современники Февральской революции 1917 г., включая монархистов, прекрасно понимали, что к краху монархии привела политика императора Николая II. Одни говорили об этом самому царю еще в 1915 – 1916 гг. В их числе великий князь, бывший Верховный главнокомандующий Николай Николаевич, великие князья Николай, Александр и Сергей Михайловичи, военный министр А.А. Поливанов, министр иностранных дел С.Д. Сазонов, министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов, Главноуправляющий землеустройством и земледелием, фактически «теневой» премьер-министр России летом 1915 г. А.В. Кривошеин, министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев, Обер-прокурор Святейшего синода А.Д. Самарин, Государственный контролер П.А. Харитонов, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В.Алексеев, протопресвитер русской армии и флота (он руководил всеми военными священниками) Г.И. Шавельский и другие. Так, в личной беседе с царем и в письме к нему от 1 ноября 1916 г. великий князь Николай Михайлович утверждал: «так дальше управлять Россией немыслимо». «Ты находишься накануне эры новых волнений». Если не изменить политику, «твой престол и нашу дорогую Родину» ждут «самые тяжкие и непоправимые последствия» [1, с. 145–147]. «Вы не можете представить, какой хаос в правительстве, – говорил Г.И. Шавельскому в начале ноября 1916 г. начальник штаба Корпуса жандармов генерал В.П. Никольский. – Кажется, все

делается, чтобы государственная машина остановилась … Может быть, уже никакие меры не помогут спасти нас от катастрофы» [2, с. 205]. 5 ноября 1916 г. заместитель министра внутренних дел князь В.М. Волконский просил Г.И. Шавельского передать царю: «Положение катастрофическое…, а в правительстве – безумие. Как будто нарочно делается всё, чтобы ускорить развязку» [2, с. 207].

Согласись, уважаемый читатель, что руководитель корпуса жандармов и один из руководителей министерства внутренних дел – люди, наиболее информированные о реальном положении дел, состоянии власти и причинах происходящего. И это – не враги, а активные сторонники монархии. Наверное, таким источникам можно доверять.

О том, что династия и страна идет к гибели, «о мрачном, готовом к восстанию настроении в Москве и необходимости срочных перемен» 30 ноября 1916 г. императрице Александре Федоровне говорила ее старшая сестра Елизавета Федоровна, специально приезжавшая ради предупреждения императора из Москвы.

Итак, многие представители элиты и высшей бюрократии понимали и открыто говорили, что именно царь ведет страну и монархию к катастрофе, еще в 1915-1916 гг. Другие написали об ошибках Николая в своих мемуарах спустя годы в эмиграции.

О негативной роли Николая II с ссылками на факты и документы утверждалось в течение 70 лет в советской историографии.

Однако в конце XX в. появился и утвердился в головах значительной части населения миф о том, что накануне Февральской революции Россия была процветающей, динамично развивающейся страной под мудрым руководством императора Николая II. К краху монархии привела не политика царя, а деятельность внутренних и внешних врагов (масонов, шпионов и т.д.). В исторической науке подобные взгляды высказывает небольшое число авторов (чаще других об этом пишут Б.Н. Миронов, П.В. Мультатули), большинство исследователей аргументированно опровергают такой подход. Прямо противоположная ситуация в публицистике (не научные журналы, популярные книги, телевидение, интернет). Взгляд на мудрую политику Николая II в средствах массовой информации преобладает. Из наиболее «громко звучащих» на эту тему отметим публикации О.А. Платонова, Н.В. Старикова.

О деятельности и состоянии власти в России накануне и в дни Февральской революции 1917 г. существует обширная источниковая база: документы Совета министров и разных министерств и ведомств, материалы Государственной думы, Государственного совета, Ставки верховного главнокомандующего, различных политических партий и общественных организаций и др.

Среди множества источников по теме особое место занимают источники личного происхождения: дневники, письма, воспоминания.

Большое количество документов по изучаемой теме отложилось в отечественных и зарубежных архивах. Часть из них опубликована.

Однако 99% интересующихся историей не пойдут в архивы и не будут читать даже опубликованные документы [например, 3, 4, 5]. Но с интересом почитают мемуары политиков, государственных деятелей, генералов. При этом большинство читателей воспринимают содержание воспоминаний как истину, не критически. Журна-

листы и авторы публицистических статей в газетах и не научных журналах, авторы «документальных» фильмов, блогов в интернете помимо мемуаров порой обращаются к дневникам и письмам своих героев. Как правило, эти авторы не слышали о том, что такое «внутренняя и внешняя критика» источников, а если и слышали, то в своем большинстве этого не делают. Редко когда в не научной статье или в телевизионной передаче можно встретить анализ степени правдивости используемых документов.

Свыше 90 процентов материалов по истории в интернете, на радио, телевидении, в публицистике сегодня антиисторичны, так как их авторы делают выводы на основе некритического восприятия документов и отдельно вырванных «фактов». К сожалению, в условиях низкого уровня политической культуры современного российского общества, подобные мифы имеют широкое распространение.

Цель данной статьи – рассмотреть на конкретных примерах, насколько можно доверять источникам личного происхождения при реконструкции событий и процессов накануне и в дни Февральской революции 1917 г.

Источниковую базу статьи составили опубликованные дневники, письма, воспоминания, вышедшие из монархического лагеря.

Стоит отметить разницу между дневниками и письмами, которые писались во время происхождения событий, и письмами и мемуарами, вышедшими из- под пера авторов спустя годы или десятилетия. Документы первой группы не предназначались к публикации. Напротив, воспоминания, как правило, пишутся для публикации. Поэтому в документах первой группы авторы более откровенны в своих оценках людей и событий. В последующих мемуарах характеристики более взвешенные. Когда составлялись дневники или письма во время «текущего момента» события или процессы еще не завершились, еще «возможны варианты», еще существуют надежды на благоприятный исход. Спустя годы или десятилетия авторы уже знают результат, и естественно это влияет на написанное. Например, разрозненные отдельные факты, которым современники не придавали значения в момент их происхождения, спустя годы в мемуарах выстраиваются в тенденцию или характеризуются «предвестниками» будущего финала, например, крушения монархии. «Задним умом» мы все крепки… Наконец, одна из задач, которую ставят перед собой мемуаристы – убедить читателя в правоте своего видения картины мира и в оправдании своих действий. Такая цель неминуемо ставит задачу отбора фактов для доказательства своей точки зрения и игнорирования всего, что не вписывается в концепцию автора. Что и делает любые воспоминания субъективными.

Опубликованные документы личного происхождения, вышедшие из монархического лагеря, разнообразны по своей типологии и времени создания.

К настоящему времени изданы дневники императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, императрицы – матери Марии Федоровны, младшего брата императора великого князя Михаила Александровича, великого князя Андрея Владимировича, военного министра А.А. Поливанова и известного политика В.М. Пуришкевича. Итого 7 авторов.

Переписка. Опубликованы 3 тома писем Николая II и Александры Федоровны за 1914 – 1917 гг., а также отдельный том переписки императора с великими князьями и министрами.

Воспоминания. Возможны различные их классификации. По такому критерию, как степень вовлеченности в управление страной и степень влияния на принимаемые властью решения, мы делим авторов воспоминаний на восемь групп.

К первой группе можно отнести воспоминания министров и государственных деятелей, всего 20 авторов. Среди них два Председателя Совета министров России – С.Ю. Витте и В.Н. Коковцов, военные министры А.Ф. Редигер, В.А. Сухомлинов, А.А. Поливанов, министры иностранных дел С.Д. Сазонов и Н.Н. Покровский, министр финансов П.Л. Барк, министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской, министр земледелия А.Н. Наумов (6 лет сидел с В.И. Лениным за одной партой в Симбирской гимназии: Ленин получил золотую медаль, Наумов – серебряную), министр просвещения П.Н. Игнатьев и другие. Эта группа мемуаров наиболее насыщенна фактами и наблюдениями о состоянии власти накануне революции.

Вторая группа – воспоминания военных. Шесть генералов близко соприкасались с Николаем II во время работы в Ставке в 1915 – 1917 гг.: М.В. Алексеев, А.Д. Бубнов, Ю.Н. Данилов, П.К. Кондзеровский, А.С. Лукомский, а также руководитель военной разведки Н.С. Батюшин. К ним можно добавить воспоминания четырех генералов, которые в силу своего положения до февраля 1917 г. получали информацию о царе и положении в Ставке из «вторых рук» или узнали ее после свержения царя: А.И. Деникин, Н.Н. Головин, М.А. Свечин, А.Е. Снесарев. Итого 10 авторов.

Третью группу воспоминаний составляют те, кто отвечал за безопасность лично царя и страны в целом: последний дворцовый комендант (1913 – 1917 гг.) В.Н. Воейков, а также руководители политического сыска, корпуса жандармов, полиции и других аналогичных структур. Кроме В.Н. Воейкова это еще 11 авторов. Среди них выделим воспоминания начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева, а также генералов В.Ф. Джунковского, П.Г. Курлова, А.И. Спиридовича. Всего в 3 группу входят 12 авторов. По роду своей деятельности это были, может быть, наиболее информированные люди в империи.

Четвертая группа – это воспоминания и записки 7 близких родственников Николая II – великих князей и княгинь. Среди них отметим материалы сестры императора Ольги Александровны, великих князей Александра Михайловича и Николая Михайловича.

Пятую группу составляют мемуары близкого окружения Николая II и Александры Федоровны: официальный историограф царя Д.Н. Дубенский, начальник канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолов, протопресвитер Русской армии и флота Г.И. Шавельский, флигель-адъютант императора А.А. Мордвинов, фрейлины императрицы и одновременно ее близкие подруги А.А. Вырубова, Ю.А. Ден, С.К. Буксгевден, учитель царских детей П. Жильяр и ряд других. Всего 9 авторов.

Шестую группу составляют воспоминания 13 активных участников политической жизни и борьбы за власть в России накануне и в дни Февральской революции: М.В. Родзянко, П.Н. Милюкова, А.И. Гучкова, В.И. Гурко, А.Ф. Керенского, В.А. Маклакова, В.М. Пуришкевича, В.В. Шульгина и других.

Особую, седьмую группу составляют воспоминания дипломатов в России: англичане Дж. Бьюкенен и Дж. Хэнбери-Уильямс, француз М. Палеолог.

Таким образом, к настоящему моменту опубликованы дневники, письма, воспоминания более 70 авторов, входящих в состав политической, управленческой и военной элиты России. Конечно, это далеко не полный список тех представителей господствующего класса, кто вел дневники и написал воспоминания.

Есть еще одна самая многочисленная и по нашей классификации восьмая группа авторов мемуаров – современники событий. Они не входили в ближний круг царя, но их воспоминания дополняют картину происходящего в стране как следствие успешной или ошибочной политики власти.

Стоит отметить, что одни перечисленные документы были опубликованы уже в 20-е годы XX в., другие – спустя десятилетия.

Из крупных собраний, сравнительно недавно вернувшихся в Россию и ставших доступными исследователям, можно выделить документы из личного архива начальника штаба Верховного главнокомандующего в 1915 – 1917 гг. генерала М.В. Алексеева, который (архив) в 1994 г. проделал длинный путь из Аргентины в Москву.

Известно, что дядя царя, великий князь Николай Николаевич, сыгравший важную роль в ситуации с принятием Манифеста 17 октября 1905 г., бывший Верховным главнокомандующим русской армии с августа 1914 г. по август 1915 г., стоявший в эпицентре многих политических интриг – человек, достаточно информированный, завещал опубликовать свои воспоминания через сто лет после своей смерти в 1929 г. Осталось 9 лет …

Важно подчеркнуть необходимость критического отношения к источникам личного происхождения, то, что специалисты называют «внешняя и внутренняя критика источников».

О важности комплексного анализа источников личного происхождения свидетельствует следующий сюжет. В августе 1915 г. император Николай II сместил великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего и сам занял эту должность. О причинах такого шага спорили современники, спорили выжившие в эмиграции, исследователи спорят до сих пор, спустя сто лет.

Если верить некоторым источникам, весной – летом 1915 г. в Ставке Верховного главнокомандующего не ограничивались только словами (критика императрицы и Г.Е. Распутина), но и готовили дворцовый переворот. В письме Николаю II от 8 января 1916 г. императрица пишет о том, что флигель-адъютант полковник А.А. Дрентельн «готовил для меня монастырь». Генералов В.Ф. Джунковского и В.Н. Орлова, по ее мнению, «следовало бы прямо сослать в Сибирь. По окончании войны тебе надо будет произвести расправу. – Почему это должны оставаться на свободе и на хороших местах те, кто все подготовил, чтоб низложить тебя и заточить меня»[6, Т. IV. С. 37]. Спустя 10 месяцев, в письме к супругу от 5 ноября 1916 г. Александра Федоровна вновь возвращается к данному сюжету. «Будь холоден, не будь слишком добр с ним (великим князем Николаем Николаевичем – *А.Д.*), с Орловым и Янушкевичем. Ради блага России помни, что они намеревались сделать – выгнать тебя (это не сплетня, – у Орл. уже все бумаги были заготовлены), а меня заточить в монастырь» »[6, Т. V. С. 133].

Отголоски настроений императрицы находим в записи из дневника великого князя Андрея Владимировича за 29 декабря 1916 г.: «Dicky (Великая княгиня Викто-

рия Федоровна (1876 – 1936), супруга великого князя Кирилла Владимировича – *А.Д.*) передала часть своего разговора с Аликс (императрица Александра Федоровна – *А.Д.*), именно что касалось Николаши (Верховного главнокомандующего Николая Николаевича – *А.Д.*). Аликс уверяла Dicky, что у нее были в руках документы, доказывающие, что Николаша хотел сесть сам на престол, вот почему его надо было удалить»[7, с. 190] (с поста Верховного главнокомандующего – *А.Д.*).

В своем разговоре с царем великий князь Николай Николаевич 8 ноября 1916 г. среди прочего в резкой форме заявил императору: «Как тебе не стыдно было, поверить, что я хотел свергнуть тебя с престола. Ты меня всю жизнь знаешь, знаешь, как я всегда был предан тебе, я это воспринял от отца и предков. И ты меня мог заподозрить. Стыдно Ники мне за тебя»[7, с. 197].

Дворцовый комендант В.Н. Воейков в своих воспоминаниях утверждал, что слухи о заговоре с участием военных были известны государю и государыне[8, с. 128.]

Для любителей конспирологии все ясно – летом 1915 г. в Ставке существовал заговор. И чтобы не потерять власть император был вынужден сместить Николая Николаевича, отправив его по русской традиции на Кавказ. Ну что, уважаемый читатель. Достаточно «фактов» из «достоверных источников» (письма императрицы, воспоминания и разговоры великих князей, мемуары дворцового коменданта), чтобы на их основе подготовить сенсацию (статью в популярном не историческом журнале или газете, «документальный» фильм на телевидении) о том, как в разгар войны предатели из ближайшего окружения царя плели интриги и готовили его арест в Ставке?

Однако многие, если не сказать большинство исследователей, и автор данной статьи в существование заговора в Ставке летом 1915 г. не верят. Кстати, руководитель охраны царя В.Н. Воейков отмечает в своих мемуарах, что лично он считал подобную информацию пустыми разговорами, которые далеки от реальности[8, с. 128.].

По другим документам, ключевую роль в отставке Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича сыграл Г. Распутин. В письме к царю Александра Федоровна 7 января 1916 г. прямо пишет о том, что рассказала близкому другу царской семьи, с ноября 1915 г. командиру отдельного батальона Гвардейского экипажа, Н.П. Саблину «все о большой перемене нынешним летом», о том, что именно Г. Распутин «убедил тебя и нас в безусловной необходимости этой перемены ради тебя, нас и России»[6, Т. IV. С. 31].

Другая версия. Многие современники событий сто лет назад и многие исследователи сегодня считают причиной смены Верховного главнокомандующего то обстоятельство, что к лету 1915 г. в условиях стремительного отступления (если не сказать бегства) русской армии Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич и Ставка утратили (полностью или частично, это – дискуссионный вопрос) способность управлять войсками. Необходимо было укрепить руководство вооруженных сил.

Еще одна гипотеза. Существует множество документов, которые свидетельствуют о том, что в течение первого года войны (август 1914 г. – август 1915 г.) на части территории страны сложилось двоевластие, что нередко приводило к кон-

фликтам между гражданской администрацией (Совет министров, губернаторы) и военными (Верховный главнокомандующий, командующие фронтами), а главное – к неразберихе, хаосу и невозможности быстро и успешно решать многочисленные вопросы. Конкретные многочисленные факты хаоса в управлении страной в течение года читатель может найти в Записке Управляющего делами Совета Министров И.Н. Лодыженского от 16 июля 1915 г. о взаимоотношениях военной и гражданской власти [9, с. 10 – 24]. На заседании Совета министров 30 июля 1915 г. по этому вопросу отмечалось, что «все настолько перепутано, что надо чуть ли не годы, чтобы разобраться в происходящем хаосе и приучить военных начальников считаться со штатскими интересами»[9, с. 33]. Министры «сознают свое бессилие. Все тот же проклятый вопрос о взаимоотношениях военной и гражданской власти. И правда, что может сделать правительство, раз Верховный Главнокомандующий считает для успеха войны нужным отдать то или иное приказание»[9, с. 33].

Об этом явлении в будущем в своих мемуарах напишет и близкая подруга царской семьи фрейлина А.А. Вырубова, весьма информированный человек: «Государь рассказывал, что Великий Князь Николай Николаевич постоянно, без ведома Государя, вызывал министров в Ставку, давая им те или иные приказания, что создавало двоевластие в России»[10, с. 100]. Из воспоминаний В.Н. Воейкова: «царь считает нежелательным откладывать свое вступление в командование, с одной стороны, из-за неудачных действий и распоряжений великого князя на фронте, а с другой – из-за участившихся случаев его вмешательства в дела внутреннего управления» [8, с. 123]. Еще подробнее генерал высказался на эту тему во время его допроса в Чрезвычайной следственной комиссии 28 апреля 1917 г.: «Обострение (летом 1915 г. между царем и Николаем Николаевичем – *А.Д.*) было основано на том, что министры (по личному впечатлению моему докладываю, государь этого не говорил) постоянно ездили в Ставку, и государь получал целый ряд дел, уже решенных в Ставке помимо его, что производило на него неприятное впечатление. Николай Николаевич слишком много занимался делами государства, а не фронта; мне кажется, это и было причиной»[11, с. 83].

Однако наиболее распространенной версией, которую летом 1915 г. разделяли председатель Совета министров И.Л. Горемыкин, «теневой премьер» А.В. Кривошеин и некоторые министры, была следующей: в основе решения государя возглавить армию были не доводы здравого смысла, а мистические настроения императора, который считал, что в трудную минуту долг государя быть вместе с армией: с ней победить или погибнуть. И некоторое подтверждение этого тезиса мы находим в письме Николая II из Ставки жене от 8 августа 1916 г. Вспоминая, как они вместе посещали церковную службу «в те тяжелые дни, перед моим отъездом сюда», царь отмечает: «Я так хорошо помню, что когда я стоял против большого образа спасителя, на верху в большой церкви, какой – то внутренний голос, казалось, убеждал меня придти к определенному решению и немедленно написать о моем решении Ник. (Николаю Николаевичу – *А.Д.*), независимо от того, что мне говорил наш Друг»[6, Т. IV. С. 406]. (наш Друг – это Г. Распутин – *А.Д.*).

Таким образом, «при желании» можно обосновать любую версию причин, почему Николай II летом 1915 г. лично возглавил армию, «подкрепив» эту версию вы-

держками из дневников, писем, воспоминаний Николая II, его супруги, генералов, политиков, министров, современников. Однако профессиональный подход предполагает не «подгонку» источников под «нужный» результат, а перепроверку всех фактов путем сопоставления различных документов.

Одним из образцов такой работы с мемуарами является статья историка М.М. Сафонова под названием «К изучению событий 14 декабря 1825 г.: критический анализ мемуарных свидетельств о М.А. Милорадовиче (А.П. Башуцкий и Р.М. Зотов)»[12]. Проследив последний день жизни М.А. Милорадовича на основе воспоминаний более десяти непосредственных очевидцев и участников событий, историк показал, что все (!) воспоминания содержат фактические неточности, искажающие характер происходящего. Только их сопоставление друг с другом и с официальными документами позволило восстановить ход событий.

Аналогичный вывод можно сделать о большинстве воспоминаний, изданных в России или в эмиграции после 1917 г.

Приведем такой пример. 4 августа 1915 г. после доклада военного министра А.А. Поливанова царь информировал его о своем решении сместить Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего и самому занять этот пост. При этом Николай II просил военного министра пока никому не сообщать эту новость кроме премьер-министра И.Л. Горемыкина.

Что было в душе, о чем после разговора с царем думал Алексей Андреевич Поливанов 4, 5 и 6 августа 1915 г. мы не знаем и, видимо, никогда уже не узнаем. Если на заседании правительства 4 августа военный министр промолчал, то на очередном заседании 6 августа он решил нарушить запрет императора о неразглашении его решения возглавить армию.

На закрытой или неофициальной части заседания Совета министров А.А. Поливанов, информируя о ситуации на фронте, нарисовал еще более, чем прежняя, печальную картину военного разгрома и разрухи. «Военные условия – сказал он – и ухудшились, и усложнились. В слагающейся обстановке на фронте и в армейских тылах можно каждую минуту ждать непоправимой катастрофы. Армия уже не отступает, а попросту бежит. Вера в свои силы окончательно подорвана. … Противоречивые приказы, метание из стороны в сторону, лихорадочная смена командиров и повсеместный беспорядок сбивают с толку даже самых стойких людей. Психология отступления настолько глубоко проела весь организм Ставки, что вне пресловутого заманивания пространством не видят и не ищут никакого исхода, никакой борьбы. Растерянность на верхах перестала быть секретов для армии и еще больше деморализует войска. … хотелось бы быть оптимистом, но впереди перспективы рисуются самые мрачные»[9, с. 52].

Кажется, уважаемый читатель, хуже уже некуда… Оказывается, есть!

А.А. Поливанов продолжает: «Как ни ужасно то, что происходит на фронте, есть еще одно гораздо более страшное событие, которое угрожает России. Я сознательно нарушу служебную тайну и данное мною слово до времени молчать. Я обязан предупредить правительство, что сегодня утром на докладе Его Величество объявил мне о принятом им решении устранить Великого Князя и лично вступить в верховное командование армией»[9, с. 52-53].

Мы не знаем, почему А.А. Поливанов вместо 4 августа назвал «сегодня», то есть, 6 августа. Не хотел критики коллег по правительству за то, что молчал два дня? За то, что не сказал об этом на заседании Совета министров еще 4 августа?

Сообщение военного министра вызвало эффект «разорвавшейся бомбы». Вот как описывает реакцию членов правительства на это известие А.Н. Яхонтов: «Это сообщение Военного Министра вызвало в Совете сильнейшее волнение. Все заговорили сразу, и поднялся такой перекрестный разговор, что невозможно было уловить отдельных выступлений. Видно было, до какой степени большинство потрясено услышанною новостью, которая явилась последним оглушительным ударом, среди переживаемых военных несчастий и внутренних осложнений»[9, с. 53].

В какой-то степени это было «историческое» заседание российского правительства. С этого момента начинается открытое противостояние между императором и большинством министров, которое закончилось отставкой большинства из них.

Однако уважаемый читатель может удивиться, узнав следующий факт.

В своих воспоминаниях, которые были подготовлены А.А. Поливановым «главным образом, еще в 1916 г.», то есть, практически через год после описываемых событий, он подробно описывает свой разговор с государем 4 августа, подробно описывает ход заседания правительства 4 августа и обсуждаемые на нем вопросы, детально описывает события 5 – 8 августа 1915 г. [13, с. 203 – 207].

И ни слова в своих воспоминаниях А.А. Поливанов не упоминает а) о самом факте заседания правительства 6 августа, б) о том, что он нарушил запрет императора разглашать подобную информацию, в) о негативной реакции министров на данную новость, г) о поручении ему от министров довести до императора их несогласие с отставкой великого князя Николая Николаевича.

Почему не упоминает? Догадки, догадки …

Умолчал, потому что стыдно, что нарушил слово, данное императору?

Или летом 1916 г., когда А.А. Поливанов писал свои воспоминания, никому и «в страшном сне» не мог присниться последующий ход событий (крушение монархии) и как одно из следствий этого – публикация секретных материалов о происходящем на заседаниях правительства с их точной датировкой. Если довериться воспоминаниям А.А. Поливанова, он только после разрешения Николая II 11 августа 1915 г. информировал Совет министров об отставке Николая Николаевича. В этом случае военный министр «чист» перед царем и перед историей. Если обратиться к записям, сделанным А.Н. Яхонтовым на заседаниях правительства в 1915 г, сохраненным в тяжелые годы революции, гражданской войны для потомков, то военный министр нарушил слово, данное императору, рассказав на заседании правительства 6 августа о решении царя стать во главе армии.

Рамки небольшой статьи не позволяют показать, что во всех мемуарных свидетельствах активных участников событий или современников содержатся неточности, порой искажающие характер происшедшего. Именно поэтому профессиональные историки очень осторожно относятся к такому источнику, как воспоминания, многократно перепроверяя сведения из него через другие документы эпохи.

Литература

1. Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. М.-Л.: Государственное изд-во, 1925.
2. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. II. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954.
3. Совет министров российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова: (записи заседаний и переписка). – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – 558 с.
4. Особые журналы Совета министров Российской империи.1909 – 1917 гг. Т. 6 – 9. 1914 – 1917. М.: РОССПЭН, 2006 – 2009.
5. Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. – Пг., 1917.
6. Переписка Николая и Александры Романовых. 1916. Т. IV – V. М.-Л., 1926, 1927.
7. Из дневника А. В. Романова за 1916 – 1917 гг. // Красный архив. 1928. Т. 1(26).
8. Воейков В.Н. С царем и без царя. М.: «Захаров», 2016.
9. Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г. / Архив Русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926.
10. Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни. М., 2000.
11. Допрос В.Н. Воейкова в ЧСК. 28 апреля 1917 г. / Падение царского режима. Т. 3. С. 58 – 83.
12. 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. VII. СПб., 2005. С. 332 – 387.
13. Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. / под ред. А.М. Зайончковского. Т. I. М., 1924.

Danilov Andrey Gennadievich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of theory and history of law and state, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia, 344002, Russian Federation).
E-mail: agd7@mail.ru

CAN WE TRUST PRIVATE SOURCES DATED BACK TO THE EARLY 1900s?

Abstract

The article gives a brief description of the published diaries, letters, memoirs, the authors of which were part of the monarchist camp. The main problem analyzed by the author is how much one can trust private sources when reconstructing the events on the eve of the February Revolution of 1917.

Keywords: *Russia in the early 1900s, World War I, Emperor Nicholas II, Empress Alexandra Feodorovna, Supreme Commander-in-Chief, Supreme Commander Grand Duke Nikolai Nikolaevich, private documents*

References

1. Nikolaj II i velikie knyaz'ya. Rodstvennye pis'ma k poslednemu caryu. M.-L.: Gosudarstvennoe izd-vo, 1925.

2. SHavel'skij G.I. Vospominaniya poslednego protopresvitera Russkoj armii i flota. T. II. N'yu-Jork: izd. im. CHekhova, 1954.
3. Sovet ministrov rossijskoj imperii v gody pervoj mirovoj vojny. Bumagi A.N. YAhontova: (zapisi zasedanij i perepiska). – SPb. : Dmitrij Bulanin, 1999. – 558 s.
4. Osobye zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii.1909 – 1917 gg. T. 6 – 9. 1914 – 1917. M.: ROSSPEN, 2006 – 2009.
5. Gosudarstvennaya duma. IV sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya V. – Pg., 1917.
6. Perepiska Nikolaya i Aleksandry Romanovyh. 1916. T. IV – V. M.-L., 1926, 1927.
7. Iz dnevnika A. V. Romanova za 1916 – 1917 gg. // Krasnyj arhiv. 1928. T. 1(26).
8. Voejkov V.N. S carem i bez carya. M.: «Zaharov», 2016.
9. YAhontov A.N. Tyazhelye dni. Sekretnye zasedaniya Soveta ministrov 16 iyulya – 2 sen-tyabrya 1915 g. / Arhiv Russkoj revolyucii. T. XVIII. Berlin, 1926.
10. Taneeva (Vyrubova) A.A. Stranicy moej zhizni. M., 2000.
11. Dopros V.N. Voejkova v CHSK. 28 aprelya 1917 g. / Padenie carskogo rezhima. T. 3. S. 58 – 83.
12. 14 dekabrya 1825 goda. Istochniki. Issledovaniya. Istoriografiya. Bibliografiya. Vyp. VII. SPb., 2005. S. 332 – 387.
13. Polivanov A. A. Iz dnevnikov i vospominanij po dolzhnosti voennogo ministra i ego pomoshchnika 1907–1916 gg. / pod red. A.M. Zajonchkovskogo. T. I. M., 1924.